

УДК 304; 394

DOI: 10.25991/3033-604X.2026.34.24.011

И. С. Богданов*

ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация:** Целью работы стал научно обоснованный выбор модели этнокультурной политики, наиболее подходящей для реализации в современной России, определение путей ее дальнейшего эволюционирования. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) определение семантики понятия «этнокультурная политика», выражающейся в соотношении его семантического поля с содержательным наполнением смежных концептов, используемых в научной литературе («этнополитика», «национальная политика» и др.); 2) систематизация зарубежного и отечественного опыта типологизации моделей этнокультурной политики. Актуальность и научная новизна исследования определяются его методологией: использование системного подхода, выражающегося в синтезе сравнительно-сопоставительных и историко-компаративных методов, позволило проследить хронологию становления культурологических терминов, а также проанализировать условия их бытования в современной отечественной и западной науке. В заключении работы делается вывод, что Россия не должна отказываться от реализации своей национальной политики в духе мультикультурализма, должна продолжать стремиться к построению общества—«культурной мозаики». При этом, однако, этнокультурная политика в отношении наиболее уязвимых этнических групп (в первую очередь коренных малочисленных народов Севера) не должна полностью отказываться от опыта советского патернализма в этой сфере. Синтезирование патерналистских механизмов в социально-экономической сфере с либерализацией государственного*

* Богданов Иван Сергеевич — аспирант кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; ассистент кафедры культурологии, педагогики и искусств, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; ivan-bogdanov-97@mail.ru

Bogdanov Ivan Sergeevich — Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia; assistant of the Department of Cultural Studies, Pedagogy and Arts, the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; ivan-bogdanov-97@mail.ru

регулирования в сфере функционирования родных языков и традиционной культуры этнических меньшинств должно привести к достижению в нашей стране устойчивого развития сферы межэтнических отношений, характеризующейся реализацией идеалов «этнокультурного неотрадиционализма».

Abstract: *The aim of the work was to scientifically substantiate the choice of the model of ethnocultural policy that is most suitable for implementation in modern Russia, to identify ways of its further evolution. To achieve this goal, the following tasks must be solved: 1) providing a definition of the semantics of the concept of “ethnocultural politics”, expressed in the ratio of its semantic field with the content of related concepts used in scientific literature (“ethnopolitics”, “national politics”, etc.); 2) systematization of foreign and domestic experience in the field of constructing typologies of models of ethno-cultural policy. The relevance and scientific novelty of the research are determined by its methodology — the use of a strict systematic approach, expressed in the synthesis of comparative and historical methods, made it possible to trace the chronology of the formation of cultural terms, as well as to analyze the conditions of their existence in modern Russian and Western scientific discourse. The work concludes that Russia should not abandon the implementation of its national policy in the spirit of multiculturalism, should continue to strive to build a society in the form of the “cultural mosaic”. At the same time, however, the ethno-cultural policy towards the most vulnerable ethnic groups (primarily the indigenous small-numbered peoples of the North) should not completely abandon the experience of Soviet paternalism in this area. The synthesis of paternalistic mechanisms in the socio-economic sphere with the liberalization of state regulation in the sphere of the functioning of native languages and traditional culture of ethnic minorities should lead to the achievement of sustainable development of interethnic relations in our country, characterized by the realization of the ideals of “ethnocultural neotraditionalism”.*

Ключевые слова: *Этнокультурная политика; этнополитика; национальная политика; типология моделей этнокультурной политики; «плавильный котел»; «культурная мозаика»; этнокультурный неотрадиционализм.*

Keywords: *ethnocultural policy; ethnopolitics; national policy; typology of models of ethnocultural policy; “melting pot”; “cultural mosaic”; ethnocultural neotraditionalism.*

Введение. Постановка проблемы

В отечественной литературе культурологической направленности отсутствует единое и устоявшееся определение понятия «этнокультурная политика». Более того, в качестве синонимов этого понятия зачастую используется целый ряд заимствованных из иных областей научного знания терминов, обладающих смежной, но отличной семантической нагрузкой: «этнополитика», «национальная политика», «политика в сфере межнациональных (межэтнических) отношений», «межнациональная политика».

Классическим определением «этнополитики» можно считать определение, предложенное В. А. Тишковым и Ю. П. Шабаевым:

«...этнополитика — это проявление этнического фактора в политике, участие этнических групп в делах государства и в свою очередь роль политики и государства в делах этнических сообществ, управление многоэтничными государствами, обеспечение межэтнического согласия и преодоление этнополитических конфликтов» [18, с. 13].

Однако, учитывая политологическую направленность источника, подготовленного Тишковым и Шабаевым, на наш взгляд, в их определении мало затронут аспект культуры. В связи с этим представляют интерес определения понятия «этнокультурной политики», смежного по смыслу, но отличающегося в части позиционирования. Весьма удачным следует признать определение этнокультурной политики, предложенное М. М. Бадыгры:

«...комплекс управленческих действий, направленных на решение проблем диалектического противоречия между единством и многообразием, взаимодействия этнокультурных идентичностей с обеспечением консолидации общегражданских ценностей» [4, с. 15].

Такая оценка связана с тем, что в определении сделан акцент на взаимодействии этнокультурных идентичностей с обеспечением общегражданской консолидации, а не исключительно на межэтническом согласии и преодолении этнополитических конфликтов.

В том же ключе понятие «национальная политика» раскрывается и в российском нормативно-правовом регулировании. К такому выводу можно прийти, если обратиться к содержанию «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 г.» [15] (далее Стратегия) и государственной программы «Реализация государственной национальной политики» [8] (далее Программа). Так, в легальном определении государственной национальной политики, представленном в подпункте «а» п. 5 Стратегии, при перечислении целей ее реализации отражен как вектор на консолидацию, так и вектор на сохранение самобытности и разнообразия. Вектор на консолидацию передан оборотами «укрепление российской нации, гражданского самосознания, гражданского единства, патриотизма, <...> согласия», «профилактика экстремизма», «предупреждение конфликтов». Обратный вектор развития, в свою очередь, находит свое выражение в оборотах «обеспечение поддержки <...> многообразия», «недопущение дискриминации». Двухвекторный подход подтверждается и сформулированными в Стратегии и Программе приоритетными направлениями государственной национальной политики. Центростремительные тенденции содержатся в п. 38, в подпункте «б» п. 39, в п. 40 Стратегии, продублированы в абзацах 7, 9, 10, 11 раздела II Программы. Центробежные тенденции, в свою очередь, представлены в подпунктах «а» (этнокультурное и духовное развитие народов России) и «в» (сохранение самобытной культуры коренных малочисленных народов России) п. 39 Стратегии, продублированы

в абзацах 8 и 12 раздела II Программы. Все вышеперечисленное указывает на то, что смысловая нагрузка культурологического понятия «этнокультурная политика» и семантика легального термина «национальная политика» (в российском праве) являются тождественными. С таким выводом могут не согласиться некоторые исследователи, указывающие на необходимость разграничения этих понятий [17] и / или призывающие к отказу от юридического конструкта «национальная политика» в пользу словосочетания «этнокультурная политика» как в научном дискурсе, так и в российском нормативно-правовом регулировании [11, с. 46]. В контексте чистоты терминологического аппарата с представленной позицией сложно не согласиться, тем не менее российские нормотворцы так и не прислушались к советам научного сообщества, а потому сохраняется status quo — при анализе российских нормативно-правовых актов синонимия «национальная политика» = «этнокультурная политика» сохраняется, а потому, несмотря на то что мы признаем примат концепта «этнокультурная политика» над концептом «национальная политика», при анализе нормативно-правовых актов отказываться от последнего представляется нецелесообразным.

В отличие от рассмотренного выше понятия «национальная политика», словосочетания «межнациональная политика» и «политика в сфере межнациональных (межэтнических) отношений» общепринятых легальных дефиниций в российском законодательстве не имеют. Подпункт «г» п. 5 Стратегии содержит определение понятия «межнациональные (межэтнические) отношения», но не политики в этой сфере:

«межнациональные (межэтнические) отношения — взаимодействие представителей разных народов (разных этнических общностей), взаимодействие национальных (этнических) групп в различных сферах общественно-политической, культурной и экономической жизни Российской Федерации, оказывающее влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражданское единство» [Стратегия... 2025].

В научных исследованиях они, как правило, используются для обозначения направления в рамках государственной национальной политики, включающего механизмы регулирования межэтнических отношений, которые при этом непосредственно не затрагивают регулирование межконфессиональных отношений.

Типологии моделей этнокультурной политики

Классическими подходами к регулированию межнациональных отношений в полиэтнических государствах являются политика, направленная на культурную ассимиляцию, и политика мультикультурализма. В первом случае направ-

ленность государственной политики может варьироваться от аккультурации (умеренная форма) до культурного геноцида (наиболее радикальная форма). Оба подхода были осмыслены североамериканскими исследователями, получив свое выражение в американской теории «плавильного котла» (результат политики ассимиляции) и канадской теории «культурной мозаики» или «салатницы» (политика мультикультурализма).

Разработкой теории «плавильного котла» занимались американские социологи Р. Парк, Э. Берджесс, М. Гордон, Б. Берри, Р. Биршtedт, В. Занден, М. Харрис и др. В общем виде идеи теории могут быть сформулированы так:

«Все культуры, представленные в американском обществе, постепенно перемешиваются, “переплавляются”, народы, представляющие эти культуры, ассимилируются, включаются в доминирующую культуру белого населения, в результате возникает новая, самобытная, единая для всех американская культура» [20, с. 61].

Таким образом, заключительным этапом проведения политики «плавильного котла» является образование единообразной гражданской нации, сопровождающееся ассимиляцией представителей всех культур, кроме доминантной. В концепции М. Гордона такая ассимиляция является последней, седьмой стадией ассимиляции в широком смысле, которой предшествуют еще шесть этапов — аккультурация (заимствование языка, одежды, бытовых норм поведения, обычаев и ценностей, характерных для доминантной культуры), структурная ассимиляция (появление сообществ с межэтническим составом), брачная ассимиляция (широкое распространение межэтнических браков), ассимиляция идентичности (подмена идентичности меньшинства идентичностью большинства), отношенческая ассимиляция (исчезновение этнических предрассудков), ассимиляция поведения (исчезновение фактов дискриминации) [23].

В связи с типологией Гордона особый интерес представляет соотношение понятий «ассимиляция» и «аккультурация». В настоящее время ассимиляция воспринимается большинством зарубежных и отечественных ученых как нечто негативное, поскольку ведет к исчезновению уникальных культур и обеднению многообразия общечеловеческой культуры. При этом аналогичное отношение к аккультурации в научных трудах не прослеживается — чаще встречается либо нейтральное, либо позитивное отношение. Такая ситуация связана с тем, что сегодня целью аккультурации, как правило, считается интеграция культур, а не их ассимиляция, как изначально предполагалось Гордоном. Интеграция отличается от ассимиляции тем, что приводит к взаимопроникновению культур, которые при этом сохраняют свою относительную самобытность. В результате политики, направленной на интеграцию общества, формируется толерантная личность, обладающая многоуровневой идентичностью — гражданской, этнической, религиозной и т. д.

Политика, направленная на интеграцию, иначе именуется политикой мультикультурализма. Ее результатом является построение «культурной мозаики» или общества-«салатницы», где этнические меньшинства сохраняют самобытность своей культуры, при этом будучи объединенными в границах одного государства. Теория «культурной мозаики» была разработана канадским культурным антропологом Джоном Гиббоном [22]. В отечественной науке осмыслением теории мультикультурализма занимались Г. Д. Дмитриев, В. А. Тишков, Н. С. Кирабаев и др. Теория не раз подвергалась критике (например, в монографии А. В. Веретевской «Мультикультурализм, которого не было. Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств» [6]), однако, на наш взгляд, более приемлемых механизмов сохранения этнокультурной идентичности национальных меньшинств предложено не было. Построение государства—«культурной мозаики» представляется наиболее эффективным способом сохранения этнокультурного многообразия России. Политику мультикультурализма можно критиковать за перегибы в части ее реализации или методику ее внедрения в общество, тем не менее сама теоретическая модель мультикультурализма, ценности, которые составляют ее ядро, являются абсолютным благом и должны рассматриваться российским обществом как нечто, к чему следует стремиться. Как именно такое стремление должно воплощаться на практике — вопрос спорный, но в любом случае он требует дальнейших научных исследований.

В нашей стране пик теоретических разработок моделей этнокультурной политики пришелся на 1920-е — первую половину 1930-х гг. В эти годы молодая советская власть пыталась выбрать для себя наиболее эффективный способ регулирования межнациональных отношений. Здесь отдельного внимания заслуживает т. н. спор «традиционалистов» / «консерваторов» и «модернизаторов» / «радикалов», сущностью которого была разработка политики в отношении коренных народов Севера, тогда именовавшихся «туземцами».

Позиция «традиционалистов», характерным представителем которых был В. Богораз, сводилась к созданию закрытых для переселенцев «заказных территорий» (по аналогии с американскими резервациями), на которых представители коренных народов Севера могли самостоятельно осуществлять свое общественно-политическое развитие (см.: [5, с. 21]). Роль госполитики сводилась к охранительным функциям — ограждению их среды обитания и культуры от внешних воздействий. Взаимодействие государства с представителями северных народов должно было строиться на принципах односторонней помощи и содействия, инициатива при этом должна была исходить от самих народов [12, с. 48–49].

Позиция «модернизаторов» строилась на представлении о народах, ведущих общинно-племенной образ жизни, как отсталых и не способных к самоуправлению и самостоятельному развитию [5, с. 22–23]. В связи с этим освоение северных территорий и адаптацию проживающего на этих территориях населения к реалиям индустриального общества предполагалось доверить

государству, которое не было ограничено в механизмах воздействия — могло «изменять социокультурные институты и структуры малочисленных народов и весь их образ жизни» [12, с. 48–49]. Отметим, что «модернизаторы» напрямую не призывали к ассимиляции северных народов, — напротив, в работах представителей данного направления (напр., В. Д. Виленский-Сибиряков) нередко встречается констатация необходимости их поддержки. Другое дело, что эта поддержка не предполагала предварительного запроса от представителей коренного населения и должна была оказываться на взаимовыгодных условиях — «туземцы» были обязаны сотрудничать с переселенцами в части промышленного освоения территорий их традиционного проживания (работать проводниками, снабжать группы промышленников провизией, предоставлять им скот, транспортные средства и т. п. [5, с. 22–23]).

В итоге в споре победила позиция «модернизаторов». Так оформилась политика государственного патернализма:

«...малочисленным народам была оказана экономическая помощь, предоставлены льготы, началось создание органов самоуправления, обучение в школах, отменены налоги, воинская и трудовая повинности, была запрещена торговля спиртным» [14, с. 83].

Последовавшее за этим экономическое благополучие, однако, вскоре стало сопровождаться рядом репрессивных мер. Во второй половине XX в. советское государство постепенно сменило курс национальной политики с «коренизации» на «русификацию» (формирование единой советской общности на основе русской культуры и языка). Механизмами реализации этой политики, оказавшими наибольший ущерб этнокультурной идентичности коренных народов Севера, стало укрупнение поселков в оседлых районах и борьба с кочевым и полукочевым образом жизни; прекращение обучения на родных языках и сокращение часов на их изучение [14, с. 44–45]; принятие новых законов о браконьерстве, что приводило к запрету охоты и рыболовства на месте расселения народов (за исключением государственных промыслов [14, с. 54]). В период русификации фиксировались и случаи отказа в регистрации нерусских имен, запрет говорить на родных языках в школе [14, с. 43, 45], склонение к указанию русской национальности в официальных документах. В целях объективности отметим, что описанные случаи могли быть перегибами отдельных представителей местной власти, поскольку доказательств существования соответствующих директив в общем доступе нет [5, с. 45]. «Темной» страницей послевоенной национальной политики СССР следует признать депортации представителей «преступных» народов и запрет на их возвращение в родные места [5, с. 42].

В период перестройки началась ревитализация национальных культур, в т. ч. коренных народов Севера. Уже на российском этапе истории, в середине 1990-х, А. И. Пика была предложена новая модель этнокультурной политики по отношению к коренным народам Севера, названная им «неотрадицио-

нализмом» [12, с. 47–53] и претендующая на срединное положение в споре «традиционалистов» и «модернизаторов», которая пользуется популярностью до сих пор. В последние десятилетия написан ряд монографий по осмыслению феномена этнокультурного неотрадиционализма, среди которых можно выделить труды «абаканской» (Л. В. Анжиганова, Ю. М. Аксютин, А. П. Никитин и др.) [2, 3], «новосибирской» (С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев и др.) [10; 13] и «петербургской» (Е. В. Аброськина, В. В. Бочаров, В. А. Попов, Т. Д. Скрынникова и др.) [1] школ.

Этнокультурный неотрадиционализм в классической интерпретации, обращенной к проблемам коренных народов Севера, заимствует у «традиционалистов» представления о необходимости укрепления самостоятельности этнических сообществ посредством перехода к национально-территориальному (общинному) самоуправлению и оказанию экономической помощи не через бюрократический аппарат, а напрямую их общественным объединениям (в т. ч. в форме предоставления средств производства [14, с. 94]). При этом, в отличие от «традиционалистов», «неотрадиционалисты» выступают против создания закрытых резерваций, они призывают к формированию такого вида межэтнического взаимодействия, как содействие, — таких отношений между этносами, при которых они «обладают едиными целями, равными правами и возможностями для их реализации, оказывая друг другу поддержку и помощь в их достижении» [10, с. 67]. «Неотрадиционалисты» призывают к построению мозаичного социокультурного пространства, в основе которого лежит этнокультурный обмен, не сводящийся к проведению мероприятий «шаблонного» характера, они не призывают полностью отказываться от государственного патернализма [14, с. 96] — вместо этого предлагается заимствовать его лучшие стороны (в первую очередь систему экономических дотаций, предоставление налоговых льгот, целевое обучение, помощь в трудоустройстве), при этом отказавшись от тотального контроля в сфере сохранения языка и культуры. Не стоит забывать и об охранительных функциях политики государства в отношении коренных народов Севера — несмотря на то что «неотрадиционалисты» не требуют полного прекращения промышленного освоения территорий традиционного проживания автохтонного населения, такое освоение должно быть ограниченным и поставленным под их контроль, который может осуществляться как механизм государственно-частного партнерства, предполагающего обязательность заключения соглашений между промышленными компаниями и объединениями коренных народов, земли которых эксплуатируют. Такие соглашения должны включать обязательства субъектов хозяйственной деятельности по оказанию точечной помощи местному населению (благоустройство территорий, льготное трудоустройство местных жителей на предприятии и т. п.), а также предусматривать внесудебные механизмы возмещения ущерба, причиненного окружающей среде, традиционному образу жизни и хозяйствования северных народов в результате деятельности компаний.

Заключение

Подводя итог сравнительному анализу моделей этнокультурной политики, можно констатировать, что российская государственная политика в сфере межнациональных отношений должна строиться в духе мультикультурализма — государство должно стремиться к построению «мозаичного», толерантного общества. Нашей стране не следует отказываться от положительных аспектов патерналистской политики в отношении наиболее уязвимых этнических групп. При этом, однако, государство не должно концентрировать все усилия в этой сфере на сохранении традиций как самоценности — необходимо дать народам в составе России автономию в сфере развития родных языков и культуры, не препятствовать новациям и этнокультурному обмену. В целом, несмотря на ряд значительных откатов (напр., введение обязательности графической основы кириллицы для государственных языков республик в составе РФ (2002) [19], присоединение автономных округов к близлежащим «ненациональным» субъектам РФ (2004–2007) [21], отмена национально-регионального компонента в образовании, сопровождавшаяся массовым переводом изучения языков коренных народов на факультативную основу (2007) [16], внесение изменений в федеральный закон об образовании, запретивших изучение государственных языков республик в составе РФ как обязательных школьных предметов (2018) [9], запрет на зачисление в школу детей мигрантов без прохождения тестирования на знание русского языка (2024) [7] и др.), Россия движется по описанному пути, что, однако, не означает, что имеющийся комплекс механизмов этнокультурной политики не нуждается в дополнении и дальнейшем реформировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аброськина Е. В., Аль Джереф М. С., Бочаров В. В. [и др.]*. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. СПб.: КИО, 2019. 320 с.
2. *Анжиганова Л. В., Аксютин Ю. М., Никитин А. П.* Неотрадиционализм в условиях глобализации. Абакан: Сервисный пункт, 2013. 103 с.
3. *Анжиганова Л. В., Ачитаева Е. А.* Этноконфессиональный неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций: региональный аспект. Абакан: ХакГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. 122 с.
4. *Бадырғы М. М.* Тувинское горловое пение хоомей как объект культурной политики: автореф. дис. ... канд. культурологии. Красноярск, 2022. 28 с.
5. *Вахтин Н. Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж: Европейский Дом, 1993. 96 с.
6. *Веретевская А. В.* Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГИМО, 2018. 182 с.
7. Госдума одобрила запрет брать в школы не знающих русский язык мигрантов (2024). [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2024/6756de059a794709f109a29b> (дата обращения: 08.01.2026).

8. Государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики» (2016). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022?section=text> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Лотфуллин М. В. Преподавание учебных предметов «Родной язык» и «Государственный язык республики» в системе общего образования РФ // Этнодиалоги. 2020. № 2(60). С. 111–116.
10. Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.
11. Мусин Д. А., Василенко Ю. В. Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // Ars Administrandi. 2010. № 1. С. 44–57.
12. Пика А. И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.
13. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: СО РАН, 2020. 256 с.
14. Сорокина С. А. Надзор или беспризорность? К проблеме государственного патернализма в отношении коренных народов Севера // ЖИСП. 2011. № 1. С. 79–96.
15. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2036 г. (2025). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/> (дата обращения: 08.01.2026).
16. Трогальщикова З. И. Языки коренных народов малочисленных народов России в системе образования: предложения по совершенствованию правовой базы // Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Улан-Удэ-Горячинск: СО РАН, 2019. С. 123–128.
17. Тишков В. А. Как обновить концепцию национальной политики? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 48. С. 36–41.
18. Тишков В. А., Шаббаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: МГУ, 2011. 376 с.
19. Федеральный закон от 11.12.2002 № 165-ФЗ «О внесении дополнения в ст. 3 Закона РФ “О языках народов РФ”» (2002). [Электронный ресурс] URL: <https://duma.consultant.ru/documents/> (дата обращения: 08.01.2026).
20. Фрэнк Г. Развитие культурно-образовательной политики Канады в отношении коренных народов: дис. ... канд. культурологии. М., 2022. 169 с.
21. Чуднов Д. М. Правовое положение автономных округов, утративших статусы субъектов РФ // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1. С. 121–126.
22. Gibbon J. Canadian Mosaic: The Making of a Northern Nation. Toronto, 1938. 455 p.
23. Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. NY: Oxford University Press, 1964. 276 p.

REFERENCES

1. Abroskina, E. V., Al Jeref M. S., Bocharov, V. V. [et al.]. *Neotradicionalizm: arhaicheskij sindrom i konstruirovanie novej social'nosti v kontekste processov globalizacii* [Neotraditionalism: Archaic Syndrome and the Construction of New Sociality in the Context of Globalization Processes]. Saint Petersburg, KIO Pbl., 2019. 320 p. (In Russian).
2. Anzhiganova, L. V., Aksutin, Yu. M., Nikitin, A. P. *Neotradicionalizm v usloviyah globalizacii* [Neotraditionalism in the Context of Globalization]. Abakan, Service Point, 2013. 103 p. (In Russian).
3. Anzhiganova, L. V., Achitaeva, E. A. *Etnokonfessional'nyj neotradicionalizm v usloviyah socialnyh transformacij: regional'nyj aspekt* [Ethno-Confessional Neotraditionalism in the Context

of Social Transformations: A Regional Aspect]. Abakan, N. F. Katanov KhaksU, 2012. 122 p. (In Russian).

4. Badyrgy, M. M. *Tuvinskoe gorlovoe penie xoomej kak ob'ekt kul'turnoj politiki* [Tuvan throat singing khoomey as an object of cultural policy]: abstract of the dissertation. ... PhD in Cultural studies. Krasnoyarsk, 2022. 28 p. (In Russian).

5. Vakhtin, N. B. *Korennoe naselenie Krajnego Severa Rossijskoj Federacii* [The Indigenous Population of the Far North of the Russian Federation]. Saint Petersburg; Paris, European House Publ., 1993. 96 p. (In Russian).

6. Veretevskaya, A. V. *Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: analiz evropejskikh praktik politicheskoj integracii etnokul'turnyh men'shinstv* [Multiculturalism That Never Was: An Analysis of European Practices of Political Integration of Ethnocultural Minorities]. Moscow, MGIMO University, 2018. 182 p. (In Russian).

7. *Gosduma odobrila zapret brat' v shkoly ne znayushhix russkij yazyk migrantov* [The State Duma approved a ban on taking migrants who do not know Russian to schools] (2024). [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2024/6756de059a794709f109a29b> (accessed: 08.01.2026). (In Russian).

8. *Gosudarstvennaya programma RF "Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki"* [The State Program of the RF "Implementation of the State National Policy"] (2016). [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022?section=text> (accessed: 08.01.2026). (In Russian).

9. Lotfullin, M. V. *Prepodavanie uchebnyx predmetov "Rodnoj yazyk" i "Gosudarstvennyj yazyk respubliki" v sisteme obshhego obrazovaniya RF* [Teaching the Subjects "Mother Tongue" and "State Language of the Republic" in the General Education System of the Russian Federation]. In: *Ethnodialogues*, 2020, no. 2(60), pp. 111–116. (In Russian).

10. Madyukova, S. A., Popkov Yu. V. *Fenomen sociokul'turnogo neotradicionalizma* [The Phenomenon of Sociocultural Neotraditionalism]. Saint Petersburg, Aleteiya, 2011. 132 p. (In Russian).

11. Musin, D. A., Vasilenko, Yu. V. *Regional'ny'e modeli e'tnokul'turnoj politiki kak predmet sravnitel'nogo analiza* [Regional models of ethnocultural policy as a subject of comparative analysis]. In: *Ars Administrandi*, 2010, no. 1, pp. 44–57. (In Russian).

12. Pika, A. I. *Neotradicionalizm na rossijskom Severe: idti v budushhee, ne zabyvaya proshlogo* [Neotraditionalism in the Russian North: Moving into the Future without Forgetting the Past]. In: *Sociological Research*, 1996, no. 11, pp. 47–53. (In Russian).

13. Popkov, Yu. V. Tyugashev, E. A. *Etnokul'turnyj neotradicionalizm i identichnost' v sovremennykh sociokul'turnyh transformacijah* [Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Modern Sociocultural Transformations]. Novosibirsk, SO RAS, 2020. 256 p. (In Russian).

14. Sorokina, S. A. *Nadzor ili besprizornost'? K probleme gosudarstvennogo paternalizma v otnoshenii korenykh narodov Severa* [Supervision or Homelessness? On the Problem of State Paternalism Towards the Indigenous Peoples of the North]. In: *ZhISP*, 2011, no. 1, pp. 79–96. (In Russian).

15. *Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2036 goda* [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036] (2025). [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/> (accessed: 08.01.2026). (In Russian).

16. Strogalshchikova, Z. I. *Yazyki korenykh narodov malochislennykh narodov Rossii v sisteme obrazovaniya: predlozheniya po sovershenstvovaniyu pravovoj bazy* [Indigenous Languages of Russia's Minority Peoples in the Education System: Proposals for Improving the Legal Framework]. In: *Languages in a Multi-Ethnic State: Development, Planning, and Forecasting*. Ulan-Ude-Goryachinsk, 2019, pp. 123–128. (In Russian).

17. Tishkov, V. A. *Kak obnovit' koncepciyu nacional'noj politiki?* [How to update the concept of national policy?]. In: *Bulletin of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention*, 2003, no. 48, pp. 36–41. (In Russian).

18. Tishkov, V. A., Shabaev, Yu. P. *E'tnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow, MSU, 2011. 376 p. (In Russian).

19. *Federal'nyj zakon ot 11.12.2002 № 165-FZ "O vnesenii dopolneniya v st. 3 Zakona RF O yazykax narodov RF"* [Federal Law № 165-FZ of 11.12.2002 "On Amendments to Article 3 of the Law of the RF "On the Languages of the Peoples of the RF"] (2002). [Electronic resource] URL: <https://duma.consultant.ru/documents> (accessed: 08.01.2026). (In Russian).

20. Frank, G. *Razvitie kul'turno-obrazovatel'noj politiki Kanady v otnoshenii korennykh narodov* [Development of Canada's Cultural and Educational Policy towards Indigenous Peoples]: Diss. ... Cand. Culturology. Moscow, 2022. 169 p. (In Russian).

21. Chudnov, D. M. *Pravovoe polozhenie avtonomnykh okrugov, utrativshikh statusy sub'ektov RF* [The Legal Status of Autonomous Districts that Have Lost Their Status as Subjects of the RF]. In: *Problems of Economics and Legal Practice*, 2010, no. 1, pp. 121–126. (In Russian).

22. *Gibbon, J. Canadian Mosaic: The Making of a Northern Nation*. Toronto, 1938. 455 p. (In English).

23. *Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins*. NY, Oxford University Press, 1964. 276 p. (In English).